

УДК 27(571.56)
DOI: 10.17223/19988613/71/10

И.И. Юрганова

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРИХОДСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЯКУТСКОМ КРАЕ (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Статья посвящена вопросам организации приходской деятельности в одной из наиболее отдаленных окраин империи – Якутском крае. Определено, что возникновение православных приходов как низовых церковных структур, связанных с организацией религиозной жизни населения, происходило в конце XVIII – первой половине XIX в., когда Русская церковь уже являлась составной частью государственного аппарата и были утрачены элементы самостоятельности в деятельности приходов. Рассмотрена специфика служения приходского клира в Якутии.

Ключевые слова: приход; Якутский заказ; Иркутская епархия; многоклирность; Якутская область.

Освоение обширной территории Якутии соотносимо с XVII в. В 1632 г. был основан Якутский (Ленский) острог, и уже через два года в составе Русского государства образован Якутский уезд и назначены первые воеводы, с 1641 г. началось функционирование уездной администрации, в составе которой в острог прибыли и первые представители духовного сословия. Во второй половине XVII в. на территории уезда действовали храмы, возведенные для обслуживания религиозных потребностей пришедшего православного населения. В этот период начинается процесс инкорпорации уезда в состав Русского государства, нашедший выражение в том числе и в христианизации местного населения. В церковно-административном отношении зауральская территория входила в созданную в 1620 г. Тобольскую архиепископию (затем – митрополию) площадь которой увеличивалась по мере продвижения на восток. В 1731–1852 гг., после учреждения самостоятельной Иркутской епархии, Якутия находилась в подчинении иркутских архиереев в статусе заказа (благочиния), и в этот период в крае начинается организация приходской деятельности.

Приходом принято обозначать церковный округ, имеющий храм с причтом. В Русской церкви приходы существовали с начала ее истории, когда она составляла митрополию Константинопольского Патриархата, но на Руси миряне оказывали большее влияние на поставление приходских священников, и архиерей, как правило, доверял мнению прихожан. Приходская община проводила собрания (сходы), избирала священников, дьяконов, церковного старосту, заведовала принадлежащим приходу имуществом, контролировала поведение прихожан, уничтожала суеверия и аморальные явления в их среде, заботилась о благоустройстве храма и богослужениях, и это сложилось не путем законодательного оформления, а исторически. Приходы являлись фактически самостоятельными территориальными единицами Русской церкви, и некоторые исследователи отождествляют их с главным мирским органом самоуправления [1].

Позже, в синодальную эпоху, приходская община подвергается государственной и церковной регламен-

тации, ее положение изменяется, и прежде всего ликвидируется значение выборного начала. Утратив права выборности и контроля за деятельностью клира, приходы становятся государственными церковными организациями. В XIX в. устройство приходов регулируется изданным в 1841 г. Уставом духовных консисторий (переиздан с дополнениями и изменениями в 1883 г.), инструкциями благочинным (1857) и церковным старостам (1888), настоятелям церквей (1901) и указами Синода.

Учреждение и закрытие приходов, регламентация их размеров стали прерогативой Синода, право установления границ между приходами предоставлялось епархиальному архиерею. Приход находился под пастырским руководством приходского священника, настоятеля и главы прихода, назначаемого епархиальным архиереем. Полномочия священника излагались в ставленнической грамоте, прочтение которой на собрании прихожан рассматривалось как акт введения в служение. Перемещение священников без их согласия допускалось только в исключительных случаях, как и совершение треб в чужих приходах без ведома приходского пастыря. Помощниками приходского иерея являлись диакон и низшие клирики.

Истории развития приходов и их своеобразию посвящены труды А. Папкова, М.М. Богословского и П.В. Знаменского [2–4]. Кроме того, изданы труды, авторы которых рассматривали вопросы приходской благотворительности, уровень обеспеченности приходского духовенства и др. [5, 6]. В 1910 г. в Иркутске был опубликован сборник статей якутского священника Г.М. Попова «В Якутской глуши», позволяющий составить мнение о приходской деятельности в отдаленных наслегх области в начале XX в. [7]. В конце XX – начале XXI в. были подготовлены работы исследователей, изучающих деятельности РПЦ и духовенства в восточных регионах империи, в том числе историю приходов и епархий, социально-просветительскую деятельность приходского духовенства. Важными исследованиями являются труды Н.Д. Зольниковой, разработавшей типологию сибирского прихода, рассмотревшей сферы деятельности общин и их взаимо-

отношения с государством [8, 9]. Изучению церковно-приходских школ Томской епархии посвящены труды Ю.Ю. Гизей и В.А. Овчинникова [10, 11]. Приходская организация Сибири рассмотрена в статьях и монографиях А.П. Санникова, А.М. Адаменко, И.И. Юргановой [12–17]. В работе профессора А.В. Карташева «Очерки по истории Русской Церкви» также уделено внимание православным приходам, которые, как указывает автор, с XVIII в. стали неотъемлемой частью государства [18]. Другой представитель русского зарубежья – И.К. Смолич – негативно оценивал синодальный период церковной истории, в частности изменение статуса приходов [19]. Таким образом, в отечественной историографии заложена основа для дальнейшей разработки проблемы истории приходов Русской православной церкви и определены основные направления работы исследователей.

На протяжении столетий в Русской церкви строительство церквей влекло за собой образование приходов. Одной из основных должностных обязанностей приходских клириков Якутии было ведение метрических книг, т.е. конфессиональных актов гражданского состояния, и именно метрики позволяют составить представление о количестве приходов края в конце XVIII – начале XIX в. На основании изучения и анализа записей метрических книг очевидно, что к концу XVIII в. в Якутском заказе действовало 19 приходов, к середине XIX в. – 40 приходов, в которых систематически велась метрическая отчетность. В отличие от территории Сибири, где в XVIII в. «церкви строились во множестве» в связи с активной колонизацией региона, формирование приходов Якутии связано с военно-административным освоением территории и перманентной христианизацией местного населения.

В Сибири преобладающей категорией приходов были сельские приходы, и среди прихожан преобладали крестьяне и поселяне. Для Якутии характерным является наличие двух типов приходских общин: городской и общины крещенного местного населения.

Первый тип, сложившийся после реформы по разделению Сибири 1822 г., был представлен населением областного и окружных центров, где вслед за образованием самостоятельной Якутской и Вилюйской епархий местные храмы получили статус соборных церквей. Наиболее многочисленными являлись приходские общины, состоявшие из местного населения. С типом сельской приходской общины соотносятся немногочисленные приходы южной и центральной Якутии, где население (в том числе и местное) вело оседлый образ жизни. Таким образом, приходские общины в составе местного населения можно отнести как к сельским приходским общинам, так и к общинам крещенного коренного населения в зависимости от их образа жизни.

К началу XIX в. в Якутске действовало 5 градских церкви и приход Спасского мужского монастыря. Городские приходы имели стабильный состав прихожан, посещавших храмы и участвующих в проведении служб. Спецификой градских приходов является многочисленность паствы: например, к приходу Градской-Николаевской церкви было приписано 3 859 прихожан, причт Троицкого собора обслуживал 5 577 прихожан.

Понятно, что состав городских приходов превышал численность горожан, так как к ним были отнесены и жители расположенных вблизи наслегов и улусов. Протяженность приходов составляла более 1 000 верст. Переписка якутского заказчика и Иркутской духовной консистории содержит сведения о продолжавшихся по несколько месяцев поездках градских священников для объезда своей паствы. Так, Вилюйский приход находился в «38 дней ходу» из Якутска, Жиганский – в 25 дней, Зашиверский – в 63 дня, Охотский – в 51 день [14. С. 247].

Сословный состав прихожан Якутска начала XIX в. составляли разночинцы – 89,4%, статские – 1,72%, военные – 1,69%, купцы, мещане и цеховые – 0,72%. духовенство – 0,44%, поселенцы – 0,22%. Необходимо учитывать, что приведена общая численность (все причисленные к данному сословию, в том числе женщины и дети). Социальная стратификация приведена с учетом группировки, представленной в исторических источниках. К духовному сословию отнесены протоиереи, попы, дьяконы, причетники, в том числе заштатные, и их жены и дети, к военным – штабс- и оберофицеры, рядовые, солдаты, их жены и дети, к статским – вновь штабс- и оберслужашие, приказные служащие, их жены и дети, к дворовым – господские слуги, их жены и дети, к поселянам – крестьяне, их жены, дети и бобыли. Особый интерес представляет категория разночинцев, объединяющая дворян, детей боярских, казачьих сотников, казаков, ссыльных, крещенных инородцев, а также их жен и детей. Следовательно, исторические источники относят большинство населения к категории разночинцев, в том числе и крещенных инородцев [20. Л. 1].

Вместе с тем представляется возможность выявить отношение прихожан города к своим христианским обязанностям. Так, из 364 отнесенных к военному сословию только 13 указаны как не посетившие исповедь и причастие. Менее обязательными были прихожане категорий статских и купечества: 156 из 371 «статских» и треть представителей купечества не были ни на исповеди, ни на причастии. Из многочисленной и разнообразной (4 064 души) группы городских разночинцев 14,8% посетили исповедь и причастие и более 30% не были ни на исповеди, ни на причастии. В целом определено, что треть православного населения Якутска не исполняла основных христианских требований – исповеди и причастия.

Оговоримся, что вышеприведенная церковная статистика являлась в том числе и отчетными данными, направляемыми якутским духовным правлением в епархиальный центр, поэтому вероятно, что в ней присутствует неточность данных в сторону их увеличения.

При строительстве Якутского острога в одной из его башен была расположена церковь, с 1663 г. начинается возведение строений Спасского мужского монастыря. В XVIII в. церковное строительство строго регламентировалось как церковной, так светской властью, но многочисленные указы Синода, связанные с запрещением возведения «лишних и малоприходных храмов» и часовенными разборами, а также ограничения по деревянному церковному строительству не за-

тронули Якутию. Первый архиерей, посетивший Якутский край, епископ Иркутский Иннокентий (Нерунович), отметил малое количество церквей и отдал распоряжение об их строительстве с указанием конкретных мест. Строительство городских храмов проходило на протяжении всего XVIII в. (Троицкий собор – 1708 г., Николаевская церковь – 1718 г., Иоанно-Предтеченская – 1742 г., Богородицкая – 1760 г., Преображенская – 1794 г.). Первоначально они были деревянными, но уже к середине XIX столетия перестроены в камне. Сельские церкви строились из дерева – доступного и дешевого материала, и являлись форпостами по распространению православия. В 1784 г. на средства, выделенные государственной казной, была построена Жиганская Николаевская церковь, главной целью которой была христианизация местного населения: здесь останавливались миссионеры, следующие на север. Кроме того, Жиганский храм наряду с Зашиверской церковью стал одним из первых образцов деревянного церковного зодчества Якутии.

Согласно проведенной в 1784 г. всероссийской переписи епархий православие в империи исповедовали 21 672 201 человек. Их обслуживала 21 141 церковь в 33 епархиях, т.е. в каждой епархии в среднем действовало 640 церквей и проживали 656 733 прихожанина. В Иркутской епархии функционировало 145 церквей (0,7% от общего количества), и на огромной территории проживали 173 247 прихожан (1,6% от общей численности), т.е. в среднем один храм обслуживал до 2 тыс. прихожан [21. С. 71–73]. В 1799 г. состоялась перепись православных храмов (с учетом изменения епархиальных границ), по итогам которой в Иркутской епархии указано уже 182 церкви, в том числе, 6 – в Якутске и по одному храму в Охотске, Олекминске, Жиганске, Зашиверске и Гижиге. Следовательно, за 15 лет в епархии было открыто 37 храмов. Наибольшее количество церквей было построено в Прибайкалье: в 1700 г. – 26 храмов, в 1800 г. – 93, из которых 79 являлись приходскими. В целом к концу столетия в Восточной Сибири функционировало 225 православных храмов (без монастырских), из которых более 200 были приходскими [14. С. 94].

Храмы возводились как на государственные дотации, так и на средства, собранные прихожанами и выделенные меценатами (дворянами и купечеством). Большинство дел о строительстве церквей в Сибири возбуждалось на основании обращений просителей от прихожан, после чего местная духовная власть устанавливала количество дворов и прихожан и расстояния до ближайших храмов и давался или не давался указ о заложении церкви. В Якутии в XVIII – начале XIX в. решение о необходимости строительства принималось совместно светской и духовной властями в связи с увеличением численности крещенных инородцев с целью сокращения огромных территорий их проживания, обслуживаемых городскими причтами. Будущим прихожанам предлагалось взять на себя расходы по строительству и содержанию храма, и в случае их согласия составлялся «общественный приговор», направляемый вместе с ходатайством в епархиальные органы.

В 1837 г. по указу Иркутской духовной консистории в Якутске был создан временный Комитет «для избрания мест для строительства церквей в Якутской области», задачей которого было установление пунктов сосредоточения населения во время кочевий и ясачного сбора и составление проекта предполагаемого строительства храмов на основании пожеланий прихожан с их участием в финансировании строительства. Согласно собранным сведениям в четырех округах области имелась необходимость строительства 30 церквей, но только 3 храма прихожане обязывались возводить на свои средства, а в остальных случаях они рассчитывали на государственную поддержку [22. Л. 1–39]. Так, по мнению колымского исправника, расходы на строительство и содержание причта должно было взять государство, так как «все... инородцы обременены неоплатными казенными и частными долгами во взыскании коих не предвидится даже надежды», и, кроме того, «желание на построение церкви никто из инородцев доселе не изъявлял» [23. Л. 1–2]. Заметим, что в избранных для строительства местностях церкви в большинстве будут возведены позже, во второй половине XIX – начале XX в., после создания самостоятельной Якутской епархии, но факт деятельности Комитета характеризует внимание к вопросу обеспечения населения православными храмами.

В 1852 г., в последний год пребывания Якутии в составе Иркутской епархии, в заказе действовали Спаский мужской монастырь и 24 храма [24. Л. 74].

Сельские приходы Якутии были представлены в основном крещенными инородцами, ведущими полукочевой образ жизни, и немногочисленным крестьянством. В 1806 г. сельские (инородческие) приходы составляли 14 церквей, их территории были огромными, а границы не всегда регламентированными. И если на Русском Севере границы приходов в большинстве совпадали с волостной или сельской общиной, то в Якутии в начале XIX столетия они были определены в зависимости от территориальной близости храмов. Позже, с началом активного церковного строительства, данные границы также будут приведены в соответствие с административно-территориальным делением.

Согласно церковной статистике самыми крупными по численности были Сунтарский (14 560 душ) и Верхне-Вилуйский (11 329 душ) приходы. Особенностью северных приходов Якутии являлась малочисленность населенных пунктов, связанная с кочевым образом жизни населения, отсутствием транспортной схемы и сезонной недоступностью мест кочевания.

Синодальным определением 1722 г. определялось количество дворов в приходе: 100–150 дворов при одном храме с одним составом причта. Соответственно, нормой двухклирной церкви являлось наличие 200–250 дворов, а при 250–300 дворах церковь считалась трехклирной, с тройным штатом священно- и церковнослужителей. Территориально-климатические особенности Якутии обуславливали иные условия служения. Количество дворов, приписанных к Сунтарскому храму в начале XIX в., составляло более 2 тыс. (2 415), они были распределены по 6 приходам, обслуживаемым 3 священниками и 6 причетниками, т.е. один священник

причислялся к двум приходам. В центральных российских епархиях подобное было недопустимо, но специфика

проживания на севере и недостаточность духовных кадров диктовали особые условия служения (таблица).

Численность прихожан якутских церквей

	Название церкви	Кол-во дворов	Численность прихожан	С учетом заштатных и членов семьи						
				Духовное сословие	Военные	Статские	Разночины***	Купцы, мещане, цеховые	Дворяне	Поселенцы-крестьяне и бобыли (бобыли)
1	Кангаласская Покровская	315	5 127*	14	–	–	4 846	–	–	166
2	Олекминская Спасская	880	5 854*	21	–	26	4 183	67	–	652
3	Намская Предтеченская	244	4 030*	17	–	–	3 983	8	–	–
4	Борогонская Вознесенская	445	6 550*	13	–	–	6 652	–	–	–
5	Амгинская Преображенская	260	8 393*	21	**	17	8 046	27	–	312
6	Удская Николаевская	нет данных	5 282 (?)	–	113	–	5 169	–	–	–
7	Верхне-Вилюйская Николаевская	552	11 329*	31	–	42	11 245	–	–	–
8	Сунтарская Введенская	2 415	14 560	47	–	–	14 501	4	–	8
9	Жиганская Николаевская	200	2 175*	14	17	21	2 035	16	–	63
10	Охотского порта Преображенская	нет данных								
11	Гижигинская Спасская	123	1 532*	13	224	13	970	39	155	–
12	Зашиверская Спасская	209	3 428	10	4	11	3 093	268	–	38
13	Средне-Колымская Покровская	171	1 794	10	–	–	1 707	57	–	20
14	Нижне-Колымская Спасская	130	999	12	–	3	878	106	–	–

Примечания. * – указаны приведенные в документе данные, сумма которых не совпадает с данными последующих граф. ** – обведена незаполненная графа. *** – имеются в виду дворяне, дети боярские, казацкие сотники, казаки, ссыльные, крещенные инородцы и их жены и дети. (?) – неразборчиво.

Почти 6 000 прихожан (5 720), проживавших разрозненно на значительном расстоянии от храма, числились в двух приходах Верхоянской Благовещенской церкви, и остается только предполагать, как причт, состоящий из двух священников и двух причетников, мог в течение одного года посетить всех [25. Л. 72–77]. В то же время в области имелись и малочисленные приходы. В прошении священника Удской Николаевской церкви А. Конюхова от 1815 г. отмечается, что «в приходе в настоящее время жителей 12 человек... были четыре тунгусских наследи... после уничтожения в Удском комиссарства и вывода воинской команды... удалились за 600 верст... и никогда отсюда не приезжают» [26. Л. 1].

Кроме того, в Иркутской епархии присутствовал дефицит духовных кадров. Так, в конце XVIII в. в Иркутском духовном правлении оставались незанятыми 13% священно-церковнослужительских мест, Илимском – 34%, Якутском – 41%, Селенгинском – 48%, в Нерчинском – 57%, т.е. более половины мест были вакантными [14. С. 125]. Известно, что в петровскую эпоху приходское духовенство постепенно стало замыкаться в отдельное сословие, одной из характеристик которого была наследственная передача мест служения (или продажа этих мест). И если в целом по империи замкнутое духовное сословие не могло удерживать в себе всех, кто принадлежал к нему по рождению, то в отдаленных окраинах, в том числе в Якутии, хронический дефицит духовных кадров способствовал еще большему сословному обособлению лиц духовного чина. В связи с этим Якутию не затронули духовные

разборы, и в источниках нет упоминания о них. Принятые в 1778 г. новые штаты церковных мест, когда на 150 дворов полагался один священник, а остальные выводились за штат, в результате чего только в Москве насчитывалось более 250 безместных священников, также были неприменимы в условиях Севера [27. С. 89].

Учитывая местные условия, духовная власть допускала некоторые отступления от правил. В 1805 г. якутским духовным правлением было разрешено не «носить младенцев в храм на крещение во время сильных морозов» [28. Л. 8]. Представляла сложность и доставка приходской документации (отчетной и метрической) в правление и далее в консисторию: «непреодолимое препятствие встречается в пересылке сих отчетов. То же в гражданский срок, когда не бывает в отдаленных местах почтовая почта, а бывает где, когда местное гражданское начальство находит надобность, то только тогда отправляет нарочного в Якутск и эти случаи не более 2–3-х в году. И когда только из некоторых мест, почему нередко встречается, что на предписание через год получен ответ» [29. Л. 6]. Согласно входящему регистру Зашиверской церкви в 1819 г. поступило 34 входящих документа (26 – указы духовного правления, 4 – сообщения от Зашиверского частного комиссара и др.), и указы № 1–11 были получены 26 января. Затем даты поступления документов: 21 апреля, 4 мая, 25 мая, 18 июня, 20 октября, т.е. почта приходила только 6 раз в год, или 1 раз в 2 месяца. В связи с этим приходскому духовенству было разрешено предоставлять отчетную документацию спустя год [30. Л. 33].

В 1828 г. на заседании иркутской духовной консистории был рассмотрен проект перераспределения инородцев и крестьян Якутской области по приходам [31. Л. 2, 3]. В «Ведомости, показывающей сколько при каждой церкви полагается приходов, по числу оных священников и в какое время подлежит делать священникам в приходы выезды», подписанной начальником Якутской области Мягковым, указан 21 храм и имеется график поездок священников. Отмечалось, что границы приходов не должны изменяться без особых причин, запрещалось выделение «особых частей» из приходов. Кроме того, в перспективе предусматривалось создание 44 приходов, клир которых должен был составлять 40 священников и 44 причетника [25. Л. 72–77].

Представители духовенства Якутского края изначально, до включения Русской церкви в состав государственного аппарата, получали все виды «государева жалования» (денежное, хлебное, соляное). Их материальное положение не находилось в зависимости от пожертвований прихожан. Не установлено фактов закрытия храмов в связи с невозможностью их содержания паствой, имевших место как в центральной России, так и в Сибири. Вместе с тем государственное обеспечение духовенства тормозило процесс открытия новых причтов, так как это влекло за собой выделение дополнительных окладов жалования.

Служение приходского духовенства Якутии включало все основные направления деятельности, в том числе и просветительство. В 1809 г. в духовное правление был направлен рапорт дьячка Нижне-Колымской церкви М. Трифонова с просьбой высылки книг для храма [32. Л. 2]. В 1842 г. на приходском сходе прихожан Амгинской церкви рассматривали вопрос о распространении картофеля и приняли решение о «доставлении по возможности 3 пуда картофеля для посева будущего года» [33. Л. 1].

Отдаленность приходов, регулярные задержки поступления жалования, дороговизна продуктов питания и их доставки способствовали возникновению практики поборов с прихожан, несмотря на установленные государством нормы оплаты за требы (3 коп. за крещение, 10 – за венчание и погребение). В 1806 г. в духовное правление поступило прошение жителей Оспетского наслега Борогонского улуса о «притеснениях и поступках» священников Охлопкова и Громова, где приводились данные о поборах за крещение (по 5 руб.), исповедь и молитвы (по 40 коп.), «за отпев прежде погребенного Стефанова... взял 1 корову». Прихожане жаловались, что священнослужители «не внушают им Слово Божие», и указывали, что священника Громова «иметь у себя не желаем» [34. Л. 1–3].

При возникновении подобных конфликтных ситуаций церковные власти всегда стремились к разумному компромиссу с верующими. Якутским духовным правлением было начато следствие, но, вероятно, в связи с недостаточностью духовенства вышеназванные иереи были перемещены к другим приходам, что косвенно подтверждается специальным Указом Синода в отношении якутского духовенства. В 1821 г. на заседании Синода было заслушано отношение министра духовных

дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына «долгом сообщать Его Преосвященству (т.е. Иркутскому), все то, что сделалось известным, [что] некоторые священнослужители Иркутской епархии имеют в виду... наличные выгоды в области Якутской... где обращенные к православию дикие народы еще младенчают в своей вере... священнослужители вместо терпеливого учения и объяснений правил веры спешат пользоваться простодушием якутов, навещают в отдаленных селениях их, единственно чтобы собирать плату и не проводя ни одной требы во время, отпевают умерших которые более года уже преданы земле... отмечают в записи бывшими на исповеди и устно причастившихся тех, кого никогда не видели... Вместо искоренений этих злоупотреблений некоторые священнослужители в пост иногда берут соболями и лисицами, они доставляют им табак и крепкие напитки и, пользуясь их наклонностями к вину, поддерживают эту порочную слабость, дабы вынудить с них деньги...» В последовавшем распоряжении иркутского архиерея указывались и фамилии, и места служения тех, кто был уличен в подобных проступках и, следовательно, ему были известны данные факты. Виновные были подвергнуты штрафу (10 руб.), а также внушению «что впредь неминуемо и гораздо строже будут оштрафованы» [30. Л. 6–30].

Очевидно, что позднее формирование приходской общины и дефицит духовных кадров при особенно-стях территориально-климатических условий обусловили отсутствие в Якутском крае традиционных элементов православных приходов, в том числе права подбора и найма приходского духовенства. Не выявлено случаев избрания священнослужителей «на приход», они назначались духовной властью в лице иркутского архиерея по представлению якутского духовного правления. Более того, в случае, когда иерей не находил взаимопонимания со своими прихожанами, механизм его замены был сложен и долговременен, так как предусматривал рассмотрение данного вопроса и в Якутске, и в Иркутске. Тем не менее при хронической нехватке духовенства не имеется данных о назначении на церковно-служительские должности представителей других сословий, что свидетельствует о замкнутости местного духовенства. Не нашла применения и достаточно широко используемая в Восточной Сибири практика «договорных писем», когда претендент на чин священника давал прихожанам «быть с ними в согласии».

Имело место и корректирование деятельности церковных старост. В «Инструкции церковным старостам» (1842), указывалось, что староста – поверенный прихожан церкви, выбранный для хранения и употребления церковных денег и вообще для хранения церковного имущества, только он имел право заниматься продажей свечей и осуществлять кошельковые сборы во время проведения служб.

В Якутии во всех приходских храмах избирались старосты, утверждаемые затем духовным правлением [35. Л. 1–6]. Правление имело право отклонить предлагаемую кандидатуру и потребовать проведения новых выборов. И если в Сибири духовное начальство

«неукоснительно требовало наличие письменного приходского выбора – приговора схода», то в Якутии сообщение о выборе старосты было обязанностью приходского священника, дававшего в своем письме краткую характеристику избранного [9. С. 100]. Очевидно, приходской клир по договоренности с родовой знатью самостоятельно назначал старосту.

Источники позволяют установить персональный состав старост церквей Якутской епархии и сделать вывод об избрании на эти должности уважаемых и почетных инородцев, выступавших связующим звеном между причтом и паствой. Вместе с тем выполнение обязанностей старосты было затруднительно для инородцев, так как из-за особенностей проживания и неграмотности они, проживая на значительных расстояниях от церкви, не могли заполнять церковные книги и составлять отчеты. «Шнуровая книга», выданная в 1825 г. вновь избранному церковному старосте Усть-Янской церкви мещанину М. Санникову, дает возможность составить представление о церковных капиталах одного из отдаленных храмов Якутии: «От прежних лет оказались: 91 р. 60 коп., 2 пуда свеч восковых, 4 фунта ладану и еще приложено 8 рублей 60 коп. и 3 песца ценой по 2 рубля. Итого – 102 р. 20 к. В 1825 г. внесено рыбой 2 000 сельдей, 230 нельм, 165 муксунов, продано из оных 800 сельдей за 12 рублей. К апрелю 1831 г. в церковной казне 2 208 р. 20 коп., в апреле 1836 г. 3 414 р. 3 коп. Расход: на свечи и их доставку, ладан, и других церковных потреб, а также деньги церковным рабочим» [36. Л. 2].

Позднее, во второй половине XIX в., по ходатайствам свт. Иннокентия (Вениаминова) специальным указом Синода (1862) было разрешено заменять избрание церковного старосты в Камчатской епархии и входящей в ее состав Якутии денежным сбором, гарантировавшим дополнительный доход причту [37. Л. 14–15].

В связи с кочевым и полукочевым образом жизни значительной части якутской паствы имел свои особенности институт приходского схода, являвшийся главным органом конфессиональной общины. Парадоксально, но в источниках не выявлено сведений о проведении сходов при градских храмах, тогда так присутствуют немногочисленные сельские приговоры, скрепленные подписями и печатями родовых старост. Учитывая многочисленность прихожан, можно предположить, что участие в сходах принимала только небольшая их часть, представленная родовой верхушкой, но итоговые документы сходов – приговоры – считались правомочными и прилагались к различного рода ходатайствам и прошениям, направляемым как в церковные, так и в гражданские учреждения.

Исполнение христианских обязанностей паствы сельских приходов, большинство населения которых составляли инородцы, значительная часть которых уже была крещена, по данным якутского заказчика, в этот период оставляет желать лучшего. Миссионеры крестили инородцев, не обучив их основам веры, и дальнейшее «приведение в веру» являлось задачей приходского клира.

В целом церковная статистика фиксирует, что большинство из прихожан – 76,3% – ежегодно испове-

довались (без причастия), 22,8% – и не исповедовались, и не причащались, соответственно, только 0,9% (т.е. менее 1%) исправно выполняли свои христианские обязанности.

Приходское духовенство применяло различные способы для привлечения прихожан в храмы, главными из которых были разъяснения и увещевания. Интересен факт вовлечения в данный процесс родовой знати – князьцов и улусных голов, которых обязывали проводить сходы и давать подписки о контроле за исполнением их земляками своих христианских обязанностей. Понятно, что, будучи частью государственного аппарата, Русская церковь имела возможность воздействия на местную элиту [38. Л. 5–16].

Таким образом, формирование приходских общин в Якутии происходило в условиях огосударствления Церкви и строгой регламентации ее деятельности, в связи с чем не были использованы традиционные элементы приходской деятельности, такие как выборность клира. Функции церковного старосты в инородческих приходах вследствие неграмотности и разбросанности мест проживания основной части прихожан были значительно уменьшены по сравнению с обязанностями старост приходов Сибири. Церковное строительство осуществлялось по мере вовлечения населения в православную веру. У якутской паствы не сложилось мнения о правомочности контроля за деятельностью приходской общины.

В свою очередь, назначаемый и обеспеченный государственным жалованием клир не был зависим от прихожан. Недостаточность духовных кадров приводила к злоупотреблениям со стороны приходского духовенства, рассматриваемым на уровне высшего духовного органа империи – Синода.

Кроме того, территориально-климатические характеристики Крайнего Севера определили иные условия деятельности приходов. Преобладающим типом приходов являлись инородческие приходы, характеризующиеся значительностью территории и численности прихожан. Инородцы составляли большинство и в городских, и в сельских приходах.

Малое количество храмов на огромной территории, неопределенность границ приходов, кочевой и полукочевой образ жизни населения вынуждали приходское духовенство большую часть своего служения проводить в объездах пасомых, и церковная статистика начала XIX столетия указывает, что только 30% православного населения области соблюдало основные христианские обряды. Отношение прихожан к своим христианским обязанностям было связано главным образом с местом их проживания и территориальной близостью храма.

В дальнейшем ассимиляционные мероприятия государства, осознающего важность приобщения окраинного населения к государственной религии как составной части социокультурного процесса, дополнявшего политику по отношению к своим инородческим подданным, обеспечат организацию приходской жизни, соответствующей в целом всем нормам православия с учетом особенностей проживания в северных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юшков С.В. Очерки по истории приходской жизни на севере России в XV–XVII вв. СПб. : Тип. им. М.А. Александрова, 1913. 134 с.
2. Папков А. Древнерусский приход : краткий очерк церковноприходской жизни в Восточной России до XVIII в. и Западной России до XVII в. Сергиев Посад : 2-я тип. А.И. Снегиревой, 1897. 68 с.
3. Богословский М.М. Земское самоуправление на русском Севере. М. : Изд. Импер. о-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1909. VIII, 322 [105] с.
4. Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань : Тип. Импер. ун-та, 1873. 439 с.
5. Рункевич С.Г. Приходская благотворительность в Петербурге : исторические очерки. СПб. : Тип. Главного упр. уделов, 1900. VII, 313 с.
6. Кильчевский В. Богатство и доходы духовенства. СПб. : Тип. «Работник», 1908. 46 с.
7. Попов Г.М. В Якутской глуши. Иркутск : Паровая типолит. П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1910. 133 с.
8. Зольникова Н.Д. Делопроизводственные материалы о церковном строительстве как источник по истории приходской общины Сибири (н. XVII – к. 60-х гг. XVIII в.) // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на Востоке России. Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 1983. С. 102–116.
9. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск : Наука, 1990. 290 с.
10. Гизей Ю.Ю. Церковно-приходская школа Томской епархии (1884–1917). Кемерово : Кузбассвуиздат, 2004. 143 с.
11. Овчинников В.А. Церковная школа в Томской губернии // Из истории юга Западной Сибири. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1993. 164 с.
12. Санников А.П. Церковное служение и деятельность приходского духовенства на территории Иркутской губернии в XVII–XVIII вв. // Конфессии народов Сибири в XVII – начале XX вв.: развитие и взаимодействие : материалы Всерос. науч. конф. Иркутск, 2005. С. 93–108.
13. Санников А.П. Православный приход Забайкалья и его количественные характеристики в конце XVII – XVIII вв. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология, Религиоведение. 2015. Т. 11. С. 219–230.
14. Санников А.П. Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII–XVIII вв. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. 311 с.
15. Адаменко А.М. Приходы Русской православной церкви на юге Западной Сибири в XVII – начале XX в. Кемерово : Кемеровский ун-т, 2004. 26 с.
16. Юрганова И.И. Православный приход в Якутии (XVII – начало XX вв.) // Российская история. 2014. № 3. С. 97–111.
17. Юрганова И.И. Иркутский период в деятельности Русской Православной церкви в Якутском крае (1731–1852 гг.) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2014. Т. 11, № 1. С. 66–72.
18. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви : в 2 т. Париж : YMCA-PRESS, 1959. 702 с.
19. Smolitsch I.K. Leben und Lehre der Starzen. Vienne, 1936. 226 S.
20. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 30.
21. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 2. Д. 128.
22. Наумова О.Е. Иркутская епархия. XVII – перв.пол. XIX вв. Иркутск, Изд-во Иркутск. гос. техн. ун-та, 1996. 208 с.
23. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 858.
24. НА РС (Я). Ф. 226-и. Оп. 2. Д. 79.
25. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 50. Оп. 1. Д. 50.
26. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 94.
27. Цыпин Вл., протоиерей. История Русской православной церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). М. : Моск дух. академия, 2006. 816 с.
28. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 9.
29. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 537.
30. НА РС (Я). Ф. 232-и. Оп. 1. Д. 10.
31. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 142.
32. НА РС (Я). Ф. 232-и. Оп. 1. Д. 57.
33. НА РС (Я). Ф. 238-и. Оп. 1. Д. 13.
34. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 26.
35. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 4262.
36. НА РС (Я). Ф. 232-и. Оп. 1. Д. 19.
37. НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 2108.
38. НА РС (Я). Ф. 238-и. Оп. 1. Д. 14.

Inna I. Yurganova, Institute of the humanities and indigenous peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: inna.yurganova@mail.ru

SPECIAL FEATURES OF THE BEGINNINGS OF PAROCHIAL WORK IN THE YAKUT REGION (18th – FIRST HALF OF THE 19th CENTURIES)

Keywords: parish; Yakutsk order of the Irkutsk diocese; versatility; Yakutia region.

The article considers the organization of parochial work in one of the most remote outskirts of the empire – Yakut region and its peculiarities conditioned both by territorial and climatic circumstances.

It seems relevant that the history of Orthodox parishes should be singled out as an independent subject since a parish, being a lower administrative unit of the Russian church, carried out, among other activities, the task of incorporation into the imperial space. The paper introduces into scientific circulation new historical sources from the collections of regional archives, including information on the activities of the Yakut ecclesiastical government, the dynamics of the construction of temples and the number of the Orthodox population, peculiarities of parish practice, etc. A number of factors have been generalized, the analysis of which allowed us to identify the specifics of the spread of Orthodoxy in the province, conditioned by the objective (territorial and climatic) and subjective (locality of the Arctic civilization) features as well as by the complexity of the parish ministry. It was determined that the formation of parish communities in Yakutia took place in the conditions of the state establishment of the Church and the regulation of its activities, and therefore the traditional elements of parish activity such as the election of the clergy were not used. As a result, the Yakut flock did not form an opinion about the eligibility of monitoring activities of the parish community. Due to illiteracy of the population and scattered places of residence of the majority of the members of ethnic minority parishes, the functions of the church wardens (in comparison with the duties of the wardens in Siberia) were curtailed. The predominant type of parishes were ethnic minority parishes, characterized by the significant size of the territory and the number of parishioners. Ethnic minorities accounted for the majority in both urban and rural parishes. One of the points substantiated is that the clergy appointed and salaried by the state was not dependent on the parishioners, and the lack of

ecclesiastical cadres led to abuses by the parish clergy, which caused concern at the level of the supreme ecclesiastical body of the empire – the Synod.

Obviously, the geographic and climatic characteristics of the Far North stipulated other conditions of parochial work. A small number of temples on a vast territory, the uncertainty of parish borders, the nomadic and semi-nomadic way of life of the population forced the parish clergy to spend most of their ministry in visitations of their flock. The attitude of parishioners to their Christian duties was primarily determined by the territorial proximity of the church, and church statistics from the beginning of the 19th century show that only one third of the Orthodox population of the region performed basic Christian rites (confession, communion). At the same time, the parish clergy ensured the dialogue of the population with the Christian (Orthodox) civilization. Later on, the assimilation measures of the state, which realized the importance of involving the outlying population in the state religion, will ensure the development of parish life, taking into account the characteristics of living in the northern conditions.

REFERENCES

1. Yushkov, S.V. (1913) *Ocherki po istorii prikhodskoy zhizni na severe Rossii v XV–XVII vv.* [Essays on the history of parish life in the north of Russia in the 15th – 17th centuries]. St. Petersburg: Tip. im. M.A. Aleksandrova.
2. Papkov, A. (1897) *Drevnerusskiy prikhod: kratkiy ocherk tserkovnoprikhodskoy zhizni v Vostochnoy Rossii do XVIII v. i Zapadnoy Rossii do XVII v.* [Old Russian parish: a short sketch of parish life in Eastern Russia up to the 18th century and Western Russia until the 17th century]. Sergiev Posad: A.I. Snegireva.
3. Bogoslovskiy, M.M. (1909) *Zemskoe samoupravlenie na russkom Severe* [Zemstvo self-government in the Russian North]. Moscow: Imperial society of History and Ancient Times at Moscow University.
4. Znamenskiy, P.V. (1873) *Prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii so vremeni reformy Petra* [Parish clergy in Russia since Peter's reform]. Kazan: Imperial University.
5. Runkevich, S.G. (1900) *Prikhodskaya blagotvoritel'nost' v Peterburge: istoricheskie ocherki* [Parish charity in St. Petersburg: historical essays]. St. Petersburg: Tip. Glavnogo upr. Udelov.
6. Kilchevskiy, V. (1908) *Bogatstvo i dokhody dukhovenstva* [Wealth and income of the clergy]. St. Petersburg: Rabotnik.
7. Popov, G.M. (1910) *V Yakutskoy glushi* [In the Yakutsk wilderness]. Irkutsk: P.I. Makushin i V.M. Posokhin.
8. Zolnikova, N.D. (1983) Deloproizvodstvennye materialy o tserkovnom stroitel'stve kak istochnik po istorii prikhodskoy obshchiny Sibiri (n. XVII – k. 60-kh gg. XVIII v.) [Office materials on church building as a source on the history of Siberian parish community (early 18th – to 1760s)]. In: Pokrovskiy, N.N. & Romodanovskaya, E.K. (eds) *Rukopisnaya traditsiya XVI–XIX vv. na Vostoke Rossii* [Handwritten tradition of the 16th – 19th centuries in the East of Russia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 102–116.
9. Zolnikova, N.D. (1990) *Sibirskaya prikhodskaya obshchina v XVIII v.* [Siberian parish community in the 18th century]. Novosibirsk: Nauka.
10. Gizey, Yu.Yu. (2004) *Tserkovno-prikhodskaya shkola Tomskoy eparkhii (1884–1917)* [Parish school of the Tomsk diocese (1884–1917)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
11. Ovchinnikov, V.A. (1993) *Tserkovnaya shkola v Tomskoy gubernii* [Church school in the Tomsk province]. In: *Iz istorii yuga Zapadnoy Sibiri* [From the history of the south of Western Siberia]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
12. Sannikov, A.P. (2005) Tserkovnoe sluzhenie i deyatelnost' prikhodskogo dukhovenstva na territorii Irkutskoy gubernii v XVII–XVIII vv. [Church ministry and activities of the parish clergy in Irkutsk province in the 17th – 18th centuries]. *Konfessii narodov Sibiri v XVII – nachale XX vv.: razvitie i vzaimodeystvie* [Confessions of the Siberian Peoples in the 17th – early 20th Centuries: Development and Interaction]. Proc. of the Conference. Irkutsk. pp. 93–108.
13. Sannikov, A.P. (2015) Orthodox Parishes of the Baikal Region and its Quantitative Aspects at the end of the 17th – 18th centuries. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya, Religiovedenie – The Bulletin of Irkutsk State University. Series "Political Science and Religion Studies"*. 11. pp. 219–230. (In Russian).
14. Sannikov, A.P. (2016) *Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo na vostochnykh okrainakh Rossiyskoy imperii v XVII–XVIII vv.* [Church, society and state on the eastern outskirts of the Russian Empire in the 17th – 18th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University.
15. Adamenko, A.M. (2004) *Prikhody Russkoy pravoslavnoy tserkvi na yuge Zapadnoy Sibiri v XVII – nachale XX v.* [Parishes of the Russian Orthodox Church in the south of Western Siberia in the 17th - early 20th centuries]. Kemerovo: Kemerovo state University.
16. Yurganova, I.I. (2014) *Pravoslavnyy prikhod v Yakutii (XVII – nachalo XX vv.)* [Orthodox parish in Yakutia (the 17th – early 20th centuries)]. *Rossiyskaya istoriya*. 3. pp. 97–111.
17. Yurganova, I.I. (2014) The Irkutsk period in Russian Orthodox Church activity in Yakut Territory (1731–1852). *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova – Vestnik of North-Eastern Federal University*. 11(1). pp. 66–72. (In Russian).
18. Kartashev, A.V. (1959) *Ocherki po istorii Russkoy Tserkvi: v 2 t.* [Essays on the History of the Russian Church: in 2 vols]. Paris: YMCA-PRESS.
19. Smolitsch, I.K. (1936) *Leben und Lehre der Starzen*. Vienna: [s.n.].
20. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 225-i. List 1. File 30.
21. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 225-i. List 2. File 128.
22. Naumova, O.E. (1996) *Irkutskaya eparkhiya. XVII – perv.pol. XIX vv.* [Irkutsk diocese. The 17th – first half of the 19th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University.
23. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 225-i. List 1. File 858.
24. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 226-i. List 2. File 79.
25. The State Archives of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 50. List 1. File 50.
26. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 225-i. List 1. File 94.
27. Tsypin, V.I. (2006) *Istoriya Russkoy pravoslavnoy tserkvi. Sinodal'nyy i noveyshiyy periody (1700–2005)* [History of the Russian Orthodox Church. Synodal and modern periods (1700–2005)]. Moscow: Moscow Theological Academy.
28. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 225-i. List 1. File 9.
29. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 225-i. List 1. File 537.
30. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 232-i. List 1. File 10.
31. The State Archives of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 50. List 7. File 142.
32. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 232-i. List 1. File 57.
33. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 238-i. List 1. File 13.
34. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 225-i. List 1. File 26.
35. The State Archives of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 50. List 1. File 4262.
36. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 232-i. List 1. File 19.
37. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 12-i. List 2. File 2108.
38. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS (Ya)). Fund 238-i. List 1. File 14.